

УДК 811-512.12
DOI 10.17223/18137083/76/13

Лексика, отражающая танцевальную культуру эвенков и эвенов

Т. Е. Андреева^{1,2}, В. Г. Белолоубская², К. Н. Стручков¹

¹ *Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия*

² *Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Якутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена комплексному описанию лексики, отражающей танцевальную культуру тунгусских этносов – эвенов и эвенков. На основе анализа этнографических, фольклорных, лингвистических данных и собственных полевых материалов авторов впервые комплексно представлены названия подражательных и хороводных (круговых) танцев эвенков и эвенов. Выявляются общие и отличительные черты эвенкийской и эвенской лексики, используемой в названиях хороводных и имитационно-подражательных танцев. Общая для эвенов и эвенков лексика в основном является исконной для них, на лексическом и семантическом уровнях прослеживаются эвенкийско-эвенские языковые параллели, что свидетельствует об общности исторических процессов, влияющих на развитие данных языков. Отмечается трансформация танцевального темпа эвенкийских хороводных танцев под влиянием якутского кругового танца *осуохай*.

Ключевые слова

тунгусские языки, эвенкийский язык, эвенский язык, лексика, тематическая группа, лексика подражательных танцев, лексика хороводных культур

Для цитирования

Андреева Т. Е., Белолоубская В. Г., Стручков К. Н. Лексика, отражающая танцевальную культуру эвенков и эвенов // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 165–176. DOI 10.17223/18137083/76/13

Vocabulary reflecting the titles of Evenk and Even dances

T. E. Andreeva^{1,2}, V. G. Belolyubskaya², K. N. Struchkov¹

¹ *Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast
Yakutsk, Russian Federation*

² *Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is a comprehensive description of the vocabulary of the dancing culture of Tungus ethnic groups – Evens and Evenks. The development of Even and Evenk folk dancing art was

© Т. Е. Андреева, В. Г. Белолоубская, К. Н. Стручков, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 3
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 3

preconditioned by the peculiarities of their economic activity and way of life and the geographical conditions of the northern region. The dances and games reflect the local features related to the history of Even and Evenk settlements in the territories they currently inhabit. Round and imitative dances, an integral part of all ritual celebrations, are the most typical and distinctive for their dancing culture. Intimate relationship to nature is important for dancing vocabulary formation. The traditional culture of Tungus peoples was considerably influenced by their confession: as pagans, they shaped their mythical and real notions of a totem. The dancing tempo of Evenk round dances was influenced by Yakut round dance *osuokhai*. The analysis of ethnographic, folklore, linguistic, and the authors' field materials allowed presenting the titles of Evens' and Evenks' imitative round dances for the first time holistically. Common and distinctive features of Even and Evenk vocabulary of the round and imitative dances' titles are revealed. The notions of dance and song in Even and Evenk languages are often indivisible, expressed by cognate words: Even *nørgenek* "dancing with singing", Evenk *iken, ike-vun* "dancing with singing". Most of the vocabulary common to the Even and Evenk languages is indigenous to them, with Evenk-Even linguistic correlations on the lexical and semantic levels, suggesting the commonality of the historical processes affecting the development of these languages.

Keywords

Tungus languages, Evenk language, Even language, vocabulary, thematic group, vocabulary of imitative dances, vocabulary of round dance cultures

For citation

Andreeva T. E., Belolyubskaya V. G., Struchkov K. N. Vocabulary reflecting the titles of Evenk and Even dances. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 165–176. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/13

Первые достоверные описания отдельных танцев, пластики, движений в обрядах и ритуалах появились в конце XVIII – начале XIX в. в работах В. Г. Тан-Богораз, И. Е. Вениаминова, И. Г. Вознесенского, Ф. П. Врангеля, И. И. Георги, Н. Л. Гондатти, К. В. Дитмара, Л. А. Загоскина, В. И. Иохельсона, С. П. Крашенникова, М. А. Кастрена, Ж. Лессепса, Я. И. Линденау, Р. К. Маака, А. Ф. Миддендорфа, Г. А. Сарычева, Г. В. Стеллера, П. С. Палласа и др.

В XX в. хореографической этнографией занимались: А. А. Айзенштадт, А. И. Алексеева, А. Ф. Анисимов, А. С. Берг, В. Г. Тан-Богораз, И. А. Бродский (Богданов), Г. М. Василевич, Б. А. Васильев, И. А. Вдовин, М. Г. Воскобойников, Г. Н. Грачева, И. А. Гурвич, Н. Н. Диков, Б. О. Долгих, М. Н. Жирков, О. Э. Добжанская, Л. Н. Жукова, В. Ф. Зуев, Г. Н. Курилов, Р. Г. Ляпунова, Н. В. Лукина, Г. А. Меновщиков, А. П. Окладников, А. А. Попов, Г. Н. Прокофьев, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова, С. Н. Стебницкий, Ч. М. Таксами, В. Н. Чернецов, Л. В. Хомич, В. И. Цинциус, Ю. И. Шейкин и др. Особо следует подчеркнуть заслуги в этой области таких этнохореографов, как С. Зверев, У. Избеков, М. Я. Жорницкая, Ф. С. Иванов, С. Ф. Карабанова, Н. С. Каплин, Э. А. Королева, Т. П. Лукашкина, А. А. Петров, А. Г. Лукина, В. Н. Нилов, Е. А. Рутьгынзут, Л. Г. Степанова, И. Г. Скляр, Н. А. Стручкова, Л. Е. Тимашова, С. Н. Худяков и др.

Одно из наиболее ранних упоминаний о танцах охотских эвенков принадлежит Я. И. Линденау. В 1743 г. он писал: «Об увеселении их мало что можно сказать, есть у них хороводная пляска» [Линденау, 1983, с. 38]. Из скупых описаний наблюдателей эвенкийских танцев в XIX в. видно, что танцы отличались темпераментностью. Это отметил, например, А. Ф. Миддендорф, побывавший в Сибири в 1843–1844 гг.: «Разразилось плясовое бешенство энтузиастов. Сначала образовался маленький кружок попеременно из мужчин и женщин, в том числе, и совер-

шенных старух... Схватились за руки, и началась безыскусственная пляска, заключающаяся в передвижении ног в сторону. Вскоре, однако же, круговая пляска стала оживляться; движения обратились в прыжки и скачки, всё тело покачивалось, лица разгорались, восклицания становились всё восторженнее, один старался перекричать другого; сбросили полшубочки, сбросили набедренники. В заключение всех обуюло бешенство. Некоторые еще пытаются противиться, но вот уже и у них голова незаметно начинает покачиваться, то вправо, то влево под такт, и вдруг такой зритель, как будто прорвав твердый оплот, вторгается в круг пляшущих. Всё отрывочнее, всё шумнее становятся движения, да и напев восклицаний: *хуря, хуга – хуга, хуго – хугу, хумго, хумго-нака, Пака – аһандо, аһалдо – һар-га, һарт, һарга*. Наконец весь круг расстраивается только вследствие крайнего утомления, ноги и голоса не действуют более» [Миддендорф, 1878, с. 807].

Эвенки устраивали игры и празднества после окончания зимнего промысла, перед отёлом оленей. На них съезжались из окрестных стойбищ, нередко их посещали и охотники-якуты. Танцевали всегда на открытой полянке вечером, когда спадал дневной зной. Долгий летний день и светлые ночи позволяли веселиться далеко за полночь. «Тунгусы – большие любители танцевать, и весьма не трудно уговорить их потанцевать. Пляшут они, всегда нарядившись в свои ровдужные (замшевые) богато вышитые бисером костюмы», – писал этнограф Р. К. Маак (цит. по: [Петров, 2013, с. 48]).

В. С. Серошевский обратил внимание на замедление темпа тунгусского танца, вероятно, под влиянием танца якутов: «Движения тунгусов легки, часто грациозны, всегда порывисты. Впрочем, эта порывистость, почти судорожность движений значительно сглаживается с переменной образа жизни и платья. Оседлые тунгусы, скотоводы, в просторных якутских сонах (верхняя одежда) двигаются так же солидно, как и якуты; наоборот, занимающиеся охотой вместе с тунгусами якуты, в легких тунгусских костюмах в обтяжку, усваивают до некоторой степени порывистость и урывчатость тунгусских движений» [Лукина, 2004, с. 284]. Всё это говорит о том, что совместное проживание двух народов приводило к взаимовлиянию их культур [Николаев, 1964].

А. А. Петров исследовал в русле этнолингвистической традиции различные аспекты духовной культуры эвенков и эвенов, в том числе их песенно-танцевальное искусство. Описание языковых фактов было проведено им в синхронном и диахронном аспектах [Петров, 2013, с. 47–88]. «Интересным является тот факт, что в эвенском языке понятие танца и песни также могут выражаться одним словом» [Там же, с. 49]. Например: *нөргэнэк* ‘пляска с пением’, *хэде* ‘пляска с пением’, что восходит к глаголу *хэде-* (*хэден-*) ‘петь и плясать’. Такое явление имеет широкое распространение не только в языке эвенов и эвенков, но и в языках других народов мира.

Во всех локальных группах эвенков сложились устойчивые танцевальные миниатюры, в которых название каждого танцевального напева определяется устойчивой возгласной манерой: у северо-енисейских эвенков – *йохорье, эсэрай, одзорай, эмэлэкэл*; у южно-енисейских эвенков – *йохорьо, гэсэм-гэсэм, оллэ-колийэ, голдыка-авуун*; у прибайкальских эвенков – *ийэхэрэ, гоосоогай, одза-одзайан, дэвэй*; у витимо-олекминских – *йэхэрэ, огокай, осорай, гэсугэр, дэвэр, одзор, даалиэр, делэхандэ*; у алдано-зейских – *эхэкээн, осорай, гэсигор, дэвэй, манчор / мальчор, даалила-даалель, одзоро-дерйодзо*; у охотских – *хэдаа / хээдед / эдзо* [Там же]. Некоторые танцы в разных группах эвенков содержат родственные возглас-

ные элементы: *йохолье – йэхэрьэ; одзорай – одза – одзайан-одзор – эдзо – хэдза; эсэрэй – осорай; гэсэм-гэсэм – госоогай – гэсугэ – гэсугор* и др.

До настоящего времени в языках тунгусских народов сохранилась лексика, отражающая традиционную танцевальную культуру эвенков и эвенов [Мыреева, 2004]. Сравнительно-сопоставительное исследование этой лексики позволяет проследить историю формирования данного лексического пласта [Убрятова, 1980, с. 17–25].

Цель статьи – выявить, описать и ввести в научный оборот лексику, называющую традиционные хороводные и подражательные танцы эвенков и эвенов. Впервые предпринята попытка комплексно описать подражательные и хороводные танцы эвенов и эвенков, являющиеся наиболее характерными и оригинальными в их танцевальной культуре.

Подражательные танцы у эвенков

И в прошлом, и в настоящем у эвенков были распространены подражательные танцы, существовавшие как часть тех или иных обрядовых действий. Большинство подражательных танцев тотемического характера были связаны с почитанием тотемных зверей и птиц. Подражательные танцы исполнялись и в охотничьих обрядах, связанных с умилостивлением убитых людьми зверей, – как своего рода «перевоплощение» в то или иное животное или птицу. Как отмечает руководитель этноцентра «Эян» в с. Иенгра Нерюнгринского р-на, эвенки также исполняют подражательный танец, имитирующий птиц и оленей «*Нэльки*» – «Весна» (ПМА, 2019).

Исследуя проблемы взаимосвязи подражательных танцев с фольклором и обрядовой культурой, нельзя не обратить внимания на их тесную связь с тотемическим культом [Сказания восточных эвенков, 2004]. К многочисленным и разнообразным вариантам мифа о медведе, в которых медведь изображается то как первый обитатель земли, то как предок людей, следует присоединить существующие у эвенков представления о медведе как о духе-помощнике шамана, так называемом *манги* ‘дух’. В комплексе представлений о *манги* важно то, что этот дух рисуется существом двойной полужвериной-получеловеческой природы и осмысливается как дух-предок, хозяин Нижнего мира и дух предков, что находит отражение и в семантике слова *манги*, одновременно означающего и «медведь», и «дух предков».

У эвенков повсеместно существовал обычай совершать над убитым медведем особый обряд, который представляет интерес в том отношении, что дает возможность проследить ряд важных моментов, относящихся к разработке лексики танцевальной культуры этого народа. Обычай предписывал соблюдать целый ряд магических запретов. Исполнение этих магических табу представлял собой характерный хореографический диалог между охотниками и домочадцами. Через этот обряд охотники магически как бы «закладывали» успешность, удачность будущей охоты. Этот сюжет вполне может являться самостоятельным подражательным танцем. В заключительной части этого цикла церемоний участники охоты исполняли особый обряд проводов или прощания со зверем.

Затем посреди стойбища раскладывали костер и принимались варить мясо убитого медведя. Пока мясо варилось в котлах, начинался праздник: устраивались пляски, игры и состязания. Мужчины и женщины становились в круг, брали друг друга за руки и образовывали круговой хоровод *иканиш* или *яхорье*. Старший

и наиболее опытный охотник запевал. Пропетые строки повторял весь хоровод, покачиваясь в такт песне. Затем хоровод в быстром темпе исполнял две короткие строчки припева, и танцующие, слегка приседая, подпрыгивая и ударяя в прыжке нога о ногу, начинали кружиться в направлении против солнца. Темп танца ускорялся с каждым поворотом. Песня запеваля звучала повелительнее, хор повторял ее всё дружнее и громче, движения танцоров становились всё быстрее, стремительнее. Когда темп танца достигал такой быстроты, что пение становилось невозможным, оно сменялось выкриками запеваля и дружным рокочущим шумом хоровода, напоминающим хорканье оленей.

На всем протяжении охоты на медведя, от его добычи и до приготовления мяса, главными действующими лицами были охотники и вороны, выполняющие различные функции. Охотники, среди них старший охотник, являлись главными героями. Подражательные танцы охотников имеют особый рисунок, отражаемый богатой и разнообразной лексикой, включающей описание не только характерных для эвенкийской танцевальной культуры элементов и движений, но также и своеобразных импровизационных элементов, исходящих из содержания того или иного сюжета каждого отдельного танца.

Вороны символизируют мир природы, их образы в ритуале «медвежьего праздника» представляют собой очень интересный материал для постановки разных подражательных танцев, в частности для постановки «танца воронов», описание которого отличается своеобразной лексикой.

Рассмотренный эвенкийский «медвежий праздник» дает богатый материал для постановки подражательных танцев, рисунок которых будет зависеть от целей и задач, поставленных хореографом, а также от того, каким дополнительным этнографическим, бытовым, фольклорным материалом будет обладать постановщик. Медвежий праздник распространен практически у всех северных народов, что свидетельствует о распространении в древности культа медведя у охотничьих племен тайги.

В Алданском р-не Республики Саха (Якутия) нам удалось наблюдать массовые подражательные танцы-пантомимы *хорогдо* 'глухарь' и *карав* 'серый журавль', которые исполнялись во время общих сборов эвенков. Можно предположить, что в прошлом они носили тотемический характер, их исполняли в честь родовых старшин. По свидетельству Г. М. Василевич, «охотничьи обряды эвенков прежде сопровождалась танцами *лапо* (возможно, от иносказ. *лапа* 'лапа медведя') и *хокиль*, имитирующими преследование зверя. Охотники были запевалями и руководителями танца» [Василевич, 1971, с. 55]. А. Ф. Анисимов [2002] назвал этот племенной обряд *шиукелавун*. К. П. Борисов, эвенкийский охотник из Алданского р-на, припомнил, что в детстве он с другими детьми, подражая оленям, разыгрывал сцены из охоты на дикого оленя.

Сегодня нельзя с уверенностью утверждать, что круговая пляска с песней-импровизацией (*икэн*, *икэ-вун*) очень древнего происхождения. «Значение слова *икэн*, обозначающего танец с пением, свидетельствует о том, что на самых ранних этапах истории эвенков танец с пением был охотничьей пантомимой и игрищем охотников, в котором выражалась сила, ловкость, быстрая сообразительность, смелость», – писала в работе «Эвенки» Г. М. Василевич [1969, с. 64]. Отсюда, вероятно, произошли подражательные танцы. Важно отметить, что именно подражательные танцы основывались на наблюдениях тунгусских этносов над окружающей природой, над повадками зверей и домашних животных, на подражании охоте на различных зверей, в них сохранились элементы задабривания и зазыва-

ния зверей, с ними связано появление охотничьих мистерий и импровизационных песен и плясок, поклонение духам-хозяевам тайги, духам зверей, которые у эвенков и эвенов превратились в родовые тотемы.

На основе анализа этнографических, фольклорных, лингвистических данных и собственных полевых материалов нами выявлены следующие названия подражательных танцев эвенков.

Карав (< *карав* ‘журавль’) ‘название танца’. Индивидуальный танец (имитирующий движения журавля) (Алданский р-н, Тимптонский р-н).

Хорогдо (< *хорогдо* ‘глухарь’) ‘название танца’. Массовый танец-пантомима, движения которого имитируют движения глухаря. Обычно танец исполняется девушками.

Нэльки (< *нэльки* ‘весна’) ‘название танца’. Массовый танец, сопровождаемый хороводной мелодией, движения которого имитируют птиц или оленей (весной) (Нерюнгринский р-н).

Лапо (*иносказ.* ‘лапа медведя’) Учр ‘название подражательного танца охотников’, см. *хокиль*. Эвенки почитали медведя и считают, что отдельные его части имеют особые качества, его душа расположена в лапах, костях и челюсти.

Хокиль ‘название подражательного танца охотников’, см. *лапа*.

Сиукэлэвүн (*хиукэлэвүн* / *шиукэлэвүн*) П-Т, Алд, Учр, Урм, Сх ‘название подражательного танца байкальских охотников, имитирующего обряд погони за вообразимым оленем, смысл обряда – добывание удачи охотнику’.

Танцы «Хорогдо» и «Карав» завоулились во время общих сборов *сугланов* эвенков. Надо полагать, в прошлом они имели тотемический характер и исполнялись в честь родовых старейшин.

Подражательные танцы у эвенов

Хореография эвенских танцев обладает сложным пластическим рисунком, в основе которого лежат движения танцоров, имитирующие поведение и повадки животных. Танцы сопровождаются пением, звукоподражанием зверям, птицам, игрой на бубне, перезвоном колокольчиков, мистическим звучанием варгана и шумовых инструментов, выполненных из рогов и копыт оленей.

Исследователь хореографии народов Севера М. Я. Жорницкая приводит названия эвенских подражательных танцев: *кинди* ‘эвенский женский танец, в котором подражают птичке *киндил*’, *тусэн* (Ол, Б, П), *тусан* (Алл, М, Т), *тухон* (Ск), *тусэнмэй* (Ол), *тусэнмэйи* (П) 1. медленная рысь; 2. прыжок, скачок в танце *хэдө*.

На основе анализа этнографических, фольклорных, лингвистических данных и собственных полевых материалов нами выявлены следующие названия подражательных танцев эвенов.

Кинди (Ол, П, Ск, Т) ‘название эвенского женского танца, в котором подражают птичке *киндил*’. Название такой птички в словарях не отражено, не встречается и в эвенском фольклоре. А. А. Петров предполагает, что название данного танца произошло от звукоподражания *киу-киу* (Ол, П, Ск, Т) ‘день-день’ [Петров, 2013, с. 49].

Хэ:де ‘название эвенского хороводного танца *хэ:де*’. Слово *хэ:де* имеет корень, родственный корням в других языках тунгусо-маньчжурской группы [Там же, с. 51]. Первоначально эвенский *хэ:де* был ритуальным танцем, поэтому исполнялся крайне редко. Движения танца и запевы призывали к действию: *Гэле-гэле!* ‘Давай-давай!’, *Хинмача!* ‘Быстрее же!’, *Дабдука-дабдукан* ‘Победа, разгром’, *Куси-*

гэ-кусигэ ‘Драться, биться’, *Амтука-амтука* ‘Проучим, накажем’. Табуированная лексика была понятна всем.

Нөргэли (Б, П) ‘хороводный танец эвенов Камчатки [ССТМЯ, 1975, т. 1, с. 606]. Слово *нөргэли* переводится как ‘пляши, танцуй’. Танец был записан от камчатских эвенов Т. Ф. Петровой-Бытовой. Ср. *ниргэ* (Ол) ‘хрипеть, подражать хорканью оленя при пляске’.

Тусэн (*тусан, тухон, тусэнмэй, тусэнмэйи*) ‘подражательный танец, во время исполнения которого танцоры подражают движениям рыси’.

Нимкаңи ‘название ритмичного боевого танца с посохами’.

Хороводные танцы эвенков

В настоящее время у эвенков основным традиционным танцем остается хоровод, или круговой танец, но в разных районах он носит различные названия. Наиболее распространен хоровод *дэрэдэ*. Это слово – первый выкрик запева. Выделено два варианта эвенкийского кругового танца *дэрэдэ* (по материалам, собранным М. Я. Жорницкой в разных районах Якутии). В одном варианте танец начинается с приглашения в круг. Участники небольшого хоровода движутся по ходу солнца в сравнительно умеренном темпе. Постепенно круг расширяется, замыкается, темп движения нарастает. Заканчивается танец быстро. В хороводе неопределенное число участников [Жорницкая, 1966, с. 86].

Несколько иной текст запева в учурском варианте *дэрэдэ*, который был зафиксирован Г. М. Василевич в 1947 г. под названием *дэвэй-эвэр икэдегэт*, что означает ‘давайте петь свою *дэво*’. Этот вариант танца *дэрэдэ* наиболее распространен среди эвенков ныне [Лукина, 2004, с. 29–33].

Второй вариант эвенкийского *дэрэдэ* – танец амурских эвенков, издавна осевших в Тимптонском р-не, где его называют *мончоракан*. Мелодия и текст запева к танцу были записаны от Г. К. Енохова, эвенка Тимптонского р-на, в 1960 г.

Особое место занимает танец *хэдьэ*, исполняющийся аяно-майскими эвенками. *Хэдьэ* аяномайских эвенков отдаленно напоминает улахан-чистайский и аселяхский варианты. Кроме того, у эвенков зафиксированы и другие названия хороводного танца: в Алданском р-не – *осораи* (по-видимому, от якутского *осуохая*), в Тимптонском р-не – *одёро*, у олёкминских эвенков – *госигор*.

По типам движения эти танцы аналогичны якутскому *осуохаю*. В настоящее время хороводные эвенкийские танцы довольно медленны, по темпу и запеву они близки к якутскому хороводу. В прошлом, во всяком случае еще в середине XIX в., танцы эвенков были более быстрыми и темпераментными. Видимо, такая трансформация танцевального темпа произошла под влиянием якутского кругового танца *осуохай*.

Эвенкийский хороводный танец *ёхорьё*, распространенный у эвенков Эвенкийского р-на Красноярского края, не зафиксирован среди эвенков Республики Саха (Якутия). Имеющиеся в нашем распоряжении более ранние письменные свидетельства об этом танце также указывают на сближение его по темпу с якутскими более медленными танцами второй половины XIX в.: «*ёхор-ё, ёхор-ё, чех, чех, ёхор-ё*» или «*хай-кан-хачу*». По мнению руководителя этноцентра «Эян» в с. Иенгра Нерюнгринского р-на А. Г. Игнатенко, эвенки исполняют следующие виды хороводов: *ёхарье, дялиэр, дяляинча, асорай, гошунга, манчоракан, дэвэйдэ, госигор* (ПМА, 2019).

Приведем названия хороводных (круговых) танцев эвенков на основе анализа этнографических, фольклорных, лингвистических данных и собственных полевых материалов.

Госигор ‘название кругового хоровода, сопровождаемого песней-импровизацией’, см. *одёро*, *яхорье*.

Икэн (*икэвун*) ‘название круговой пляски эвенков, сопровождаемой песней-импровизацией’.

Иканиш ‘название кругового хоровода, сопровождаемого песней-импровизацией в две короткие строки, сочиненной по случаю праздника наиболее опытным охотником, при исполнении покачивающимся из стороны в сторону’, см. *яхорье*.

Дэвэйдэ (Тмт) ‘название хороводного танца, начинающегося с приглашения в круг, когда участники танца движутся по ходу солнца в одном умеренном темпе, не торопясь, двигаются в такт запева’, см. *осорай*.

Ёхор-ё ‘круговой танец, распространенный у эвенков Эвенкийского автономного округа’. В настоящее время *ёхор-ё* распространен у всех эвенков’, ср. также *ёхор-ё* ‘совместные танцы тунгусов и долган’.

Манчоракан ‘вариант названия танца амурских эвенков, издавна осевших в Тимптонском р-не Якутии’. Хоровод *манчоракан* называют «зарядкой для султавов», движения его медленные, плавные, с приседанием.

Осорай (по-видимому, от якутского *осуохая*) (Алд, Тнг, З) ‘название эвенкийской пляски’, см. *дэвэйдэ*. *Осорай* схож с хороводом *дэвэйдэ*, также задействованы голова, руки, ноги, но в хороводе *осорай* темп быстрее и продвижение по ходу солнца вприпрыжку.

Одёро (С-Б, Тмт) ‘название кругового хоровода, сопровождаемого песней-импровизацией’, ср. *госигор*, *яхорье*.

Яхорье ‘название кругового хоровода, сопровождаемого песней-импровизацией в две короткие строки, сочиненной по случаю праздника наиболее опытным охотником, при исполнении покачивающимся из стороны в сторону’, см. *иканиш*; ср. *госигор*, *одёро*.

Йохарье, *эсэрай-одзорай*, *эмэлэкэл* ‘устойчивые танцевальные миниатюры, в которых название каждого танцевального напева определяется устойчивой возгласной манерой’, ср. у южно-енисейских эвенков *йохорье*, *сэм-гэ*, *олилэколийэ*, *голдыка-авуун*; у байкальских эвенков *ийэхэрэ*, *гоосоогай*, *ода одзайан*; у витимо-олёкминских эвенков *йэхэрэ*, *огокай*, *осорай*, *гэсэгэр*, *одзор*, *даалиэр*, *делехэндэ*; у алдано-зейских эвенков *гэсигор*, *дэвэй манчор* / *мальчор*, *даалиладаалель*, *одзоро-ддоорйодээ*; у охотских эвенков *эхэкээн*, *осорай*, *хэдаа-хээдэв-эдзо*.

Танцы *йохолье* – *йэхэрэ*; *одзорай* – *одза* – *одзайан-одзор* – *эдзо* – *хэдза*; *эсэрэй* – *осорай*; *гэсэм-гэсэм* – *гоосоогай* – *гэсугэ* – *гэсигор* и др. в разных группах эвенков содержат родственные элементы [Петров, 1991, с. 39–50].

Хороводный танец эвенков

В разных районах проживания эвенков хороводный танец имеет различные варианты, отличающиеся по содержанию и манере исполнения. Как отмечает эвенская поэтесса Е. Н. Бокова, хабаровские эвены, тихо распевая мелодию, медленно двигались по кругу в течение дня; индигирские эвены начинали хоровод в медленном темпе и, постепенно ускоряя шаг, переходили в стремительное движение; усть-янские, верхоянские, колымские водили танец неторопливо, в одном темпе,

не ускоряя шаг, не прыгая и покачиваясь в ровном такте легко и волнообразно по кругу. В конце хоровода мужчины переходили на горловое пение *кинрин*, затем начинали оленье хорканье, женщины подражали крику чаек. Аллаиховские эвены водили *хэде* ровно и медленно, в едином движении, ритм исполнения напоминал неторопливый бег оленя [Бокова, 1998].

Приведем названия хороводных (круговых) танцев эвенков на основе анализа этнографических, фольклорных, лингвистических данных и собственных полевых материалов.

Хэде (хэде) ‘название эвенского хороводного танца’, см. *хэденэк*, ср. *дяхурья*. А. А. Петров отмечает, что слово *хэде* имеет общий родственный корень с другими языками тунгусо-маньчжурской группы. Ср.: эвенк. *хэдев* ‘хоровод’, орок. *хэде* ‘пляска’, нег. *хэден*, *хэде* ‘национальный танец’ [Петров, 1991, с. 41].

Хэденэк ‘название эвенского хороводного танца’, см. *хэде*.

Дяхурья ‘название эвенского хороводного танца, томпонский вариант *хэде*’.

Дехонди ‘название эвенского хороводного танца, саккырырский вариант *хэде*’.

Духари-духа ‘название эвенского хоровода (подвергшегося влиянию якутского хоровода *осуохай*)’.

Ихо-рико ‘название эвенского хоровода (подвергшегося влиянию якутского хоровода *осуохай*)’

Нургэнэк ‘название старинного танца с пением’.

Нергали (Б, П) / *норгали* (К) ‘хороводный танец эвенов Камчатки, исполняемый под аккомпанемент бубна, сопровождаемый хрипением – подражанием хорканью оленя’. «Этот эвенский танец позднее был заимствован всеми малыми народностями Камчатки: ительменами, чукчами, корякам. Об этом пишут исследователи культуры народностей Камчатки Г. Г. Поротов и В. В. Косыгин» [Петров, 2013, с. 51].

* * *

Таким образом, эвенки и эвены в своем мировоззрении и религии сохраняют наиболее важные для их образа жизни события, которые они постарались отразить в танцевальной культуре и лексике.

В результате анализа танцевальной лексики эвенов и эвенков выявлены следующие общие черты:

- 1) названия подражательных танцев являются исконными для языка;
- 2) танец с пением на ранних этапах исторического развития эвенков и эвенов был охотничьей пантомимой;
- 2) понятия танца и песни в эвенском и эвенкийском языках часто нерасчленимы, выражаются однокоренными словами: эвен. *нөргэнэк* ‘пляска с пением’, эвенк. *икэн*, *икэ-вун* ‘пляска с пением’;
- 3) названия танцев в эвенском и эвенкийском языках восходят к глаголам, семантика которых связана с танцами: эвен. *хэде-*, *хэден-* ‘петь и плясать’; эвенк. *икэ-ми* ‘спеть, пропеть’;
- 4) слово *хэде* ‘танец, пляска’ имеет однокоренные параллели почти во всех языках тунгусо-маньчжурской группы;
- 5) название танца, пляски, хоровода в эвенском языке обозначается рядом лексем, являющихся неполными синонимами: эвен. *хэде*, *хэден*, *нөргэнэк*, *нургэн*, *нургэнэк*, *нэргэнэк*, *көплэчин*, *көплэчинмэй*, *куплэсин* и др., т. е. каждое слово «имеет свой индивидуальный семантический оттенок» [Петров, 2013, с. 51–52].

Так, например, *хэде* ~ *хэден* ‘танец хоровод’, *нөргэнэк* ‘пляска с пением’, *ниргэн* ‘пляска, сопровождаемая хрипением – подражанием хорканью оленя’;

б) названия некоторых танцев в разных эвенкийских диалектах выражаются родственными словами: *йохолье* – *йэхэрэ*; *одзорай* – *одза* – *одзайан-одзор* – *эдзо* – *хэдза*; *эсэрэй* – *осорай*; *гэсэм-гэсэм* – *госоогай* – *гэсугэ* – *гэсигор* и др.

Всё это свидетельствует о том, что слова исследуемой тематической группы характеризуются семантической близостью, что определяется сходством исторических условий и социальных факторов, повлиявших на развитие эвенкийского и эвенского языков [Убрятова, 1980, с. 17–25].

Список сокращений

Эвенк. – эвенкийский язык, *эвен.* – эвенский язык; *эвенские говоры*: Алл – аллаховский, Б – быстринский, К – камчатский, М – момский, Ол – ольский, П – пенжинский, Ск – саккырырский говор западного наречия, Т – томпонский говор; *эвенкийские говоры*: Алд – алданский, ВЛ – верхоленский, З – зейский, П-Т – подкаменно-тунгусский диалект; его говоры: С – сымский, С-Б – северо-байкальский, Тмт – томмотский, Тнг – тунгирский, Урм – урмийский, Учр – учурский.

Список литературы

Анисимов А. Ф. Культ медведя у эвенков // Народы крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей XX в.: Сб. науч. тр. М.: Северные просторы, 2002. 528 с.

Бокова Е. Н. Эвэн ханинни. Якутск, 1998.

Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVII–XX вв.). Л., 1969. 304 с.

Василевич Г. М. О культуре медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971. С. 150–169.

Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии. М.: Наука, 1966. 170 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 182 с.

Лукина А. Г. Традиционные танцы саха. Новосибирск: Наука, 2004. 356 с.

Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878. Ч. 2. 833 с.

Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 3)

Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск, 1964.

Петров А. А. Лексика, отражающая народное танцевальное искусство эвенов // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск, 1991. С. 39–50.

Петров А. А. Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов. Новосибирск: Наука, 2013. С. 51–59.

Сказания восточных эвенков / Сост. Г. И. Варламова, А. Н. Варламов; отв. ред. А. Н. Мыреева. Якутск: Изд-во СО РАН, 2004. 234 с.

Убрятова Е. И. Язык народа как исторический источник // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 17–25.

Список источников

ПМА – Полевые материалы Т. Е. Андреевой и К. Н. Стручкова, собранные в 2019 г.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 606 с.

References

Anisimov A. F. Kul't medvedya u evenkov [Cult of bear among Evenks]. In: *Narody kraynego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii v trudakh issledovateley XX v.: Sb. nauch. tr.* [Peoples of the Far North and the Far East of Russia in the works of researchers of the 20th century: Coll. of sci. works]. Moscow, Severnye prostory, 2002, 528 p.

Bokova E. N. *Even khaninni* [The Soul of an Even]. Yakutsk, 1998.

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri* [Description of the peoples of Siberia]. Magadan, Publ. H., 1983, 182 p.

Lukina A. G. *Traditsionnye tantsy Sakha* [Traditional dances of Sakha]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 356 p.

Middendorf A. F. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri* [Journey to the North and East of Siberia]. St. Petersburg, 1878, pt. 2, 833 p.

Myreeva A. N. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2004. (Pamyatniki etnicheskoy kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [The monuments of ethnic culture of small-numbered indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]; Vol. 3).

Nikolaev S. I. *Eveny i evenki Yugo-Vostochnoy Yakutii* [Evens and Evenks of South-Eastern Yakutia]. Yakutsk, 1964.

Petrov A. A. Leksika, otrazhayushchaya narodnoe tantseval'noe iskusstvo evenov [Vocabulary, reflecting the folk dance art of the Evenks]. In: *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri* [Language – myth – culture of the Siberian peoples]. 1991, pp. 39–50.

Petrov A. A. *Leksika dukhovnoy kul'tury tungusoyazychnykh narodov* [Vocabulary of the spiritual culture of the Tungus-speaking peoples]. Novosibirsk, Nauka, 2013, pp. 51–59.

Skazaniya vostochnykh evenkov [Tales of the eastern Evenks]. G. I. Varlamova, A. N. Varlamov (Comps.), A. N. Myreeva (Ed. in Ch.). Yakutsk, SB RAS Publ. H., 2004, 234 p.

Ubryatova E. I. Yazyk naroda kak istoricheskiy istochnik [The language of the people as a historical source]. In: *Narody i yazyki Sibiri* [Peoples and languages of Siberia]. Novosibirsk, 1980, pp. 17–25.

Vasilevich G. M. *Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (17–20 vv.)* [Evenks: Historical and Ethnographic Sketches (17th–20th centuries)]. Leningrad, 1969, 304 p.

Vasilevich G. M. O kul'te medvedya u evenkov [About the Bear Cult among the Evenks]. In: *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v 19 – nachale 20 veka* [Religious representations and rites of the Siberian peoples in the 19th – beginning of the 20th century]. Leningrad, 1971, pp. 150–169.

Zhornitskaya M. Ya. *Narodnye tantsy Yakutii* [Folk dances of Yakutia]. Moscow, Nauka, 1966, 170 p.

List of sources

Polevye materialy T. E. Andreevoy i K. N. Struchkova, sobrannye v 2019 g. [Field materials of T. E. Andreeva and K. N. Struchkov collected in 2019]

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskiykh yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovaryu [Comparative dictionary of Tungus-Manchzhurian languages: Materials for the etymological dictionary]. V. I. Tsintsius (Ed.). Leningrad, Nauka, 1975, 606 p.

Сведения об авторах

Андреева Тамара Егоровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия); доцент кафедры северной филологии ИЯКН, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

taan2001@mail.ru

ORCID 0000-0002-9957-9184

Белолюбская Варвара Григорьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры северной филологии ИЯКН, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

arkuk@bk.ru

Стручков Кирилл Намсараевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

kstruchkov@mail.ru

ORCID 0000-0003-3693-5599

Information about the authors

Tamara E. Andreeva – Candidate of Philology, Leading Researcher at the Institute of Humanities and Indigenous Peoples of the North of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Northern Philology of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast at the Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

taan2001@mail.ru

ORCID 0000-0002-9957-9184

Varvara G. Belolyubskaya – Candidate of Philology, Professor of the Department of Northern Philology of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

arkuk@bk.ru

Kirill N. Struchkov – Candidate of Philology, Researcher at the Institute of Humanities and Indigenous Peoples of the North of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

kstruchkov@mail.ru

ORCID 0000-0003-3693-5599